

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
«СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ»

Родословная
книга **С**ибиря

ВТОРОЙ ТОМ

Омск
2020

УДК 929.52
ББК 63.214
Р615

Издание книги осуществлено при финансовой поддержке инициативной группы родоведов, а также спонсоров проекта «Родословная книга Сибири».

Редактор и автор проекта Ю.Н. Ефремова.

Научный рецензент:

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Омского филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук» *С.Н. Корусенко*.

Р615 Родословная книга Сибири: сборник статей и материалов по практической генеалогии / Составитель и редактор канд. ист. наук Ю.Н. Ефремова. – Омск: типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2020. – 584 с.

Редактор и автор проекта выражает искреннюю благодарность всем, кто помогал в подготовке этого сборника материалов по практической генеалогии Сибири. Прежде всего, участникам общественного инициативного проекта «Родословная книга Сибири»: И.С. Авдееву, С.В. Белокур, Е.А. Волошиной, Д.Ю. Гладышеву, А.И. Гриценко, Л.С. Евсееву, А.Е. Евсюкову, О.В. Карповой, О.С. Ларионову, А.А. Машинскому, А.В. Оссовскому, Д.И. Петину, С.В. Прокопьеву, О.Г. Редькиной, Н.М. Салминой, Н.В. Сарченко, М.Г. Семенову, В.И. Таланину, К.В. Фроловой, а также неравнодушным людям, оказавшим финансовую поддержку проекту: Э.С. Прудникову, Н.В. Сарченко, Д.Ю. Гладышеву, А.В. Оссовскому и сандыктавским казакам.

УДК 929.52
ББК 63.214

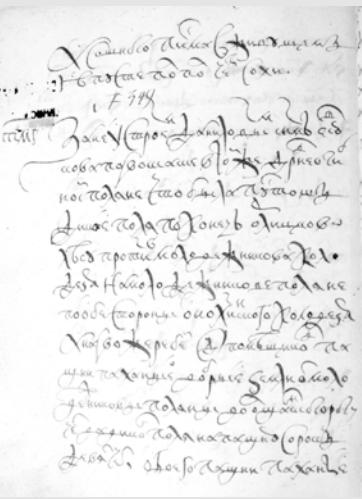
ISBN 978-5-8042-0668-1 (т. 2)
ISBN 978-5-8042-0667-4

«Родословная книга Сибири» – итог многолетних наработок по практической генеалогии, представленных в жанре историко-литературных повествований. Используя документы федеральных, региональных и ведомственных архивов, потомки сибиряков впервые публикуют на страницах данной книги истории о своих предках, делятся с читателями опытом сбора генеалогической информации, разгадывают тайны рода и фамилии, опровергают или подтверждают семейные мифы и легенды.

Книга предназначена для широкого круга читателей – историков, генеалогов, специалистов по сибирскому краеведению, работников архивов, музеев и др.

© Ефремова Ю.Н., 2020
© Типография «Золотой тираж»
(ООО «Омскбланкиздат»), 2020

Фрагмент писцовой книги Оскольского уезда 1643 г. с описанием земельных владений сына боярского Неустроя Даниловича Евсюкова

Дмитрий Евсюков

Евсюков Дмитрий Евгеньевич родился в 1975 г. в г. Новосибирске. С 2003 г. проживает в г. Москве. Окончил Новосибирский государственный университет, проходил обучение в университете г. Ольденбурга (Германия) и в аспирантуре ИЭиОПП г. Новосибирска. Занимается историей южных уездов Русского государства в XVII веке, в том числе заселением данной территории при строительстве Белгородской черты. Собирает информацию по следующим родам: Евсюковы, Рашины (Белгородская обл.), Литвиновы, Чумаковы (Волгоградская обл.), Нестеровы (Свердловская обл., Алтайский кр.), Булдаковы (Кировская обл., Алтайский кр.), Протасовы (Алтайский кр.), Чечулины (Новосибирская обл.), Ленинг (поволжские немцы), большинство родословий прослежено до XVII-XVIII вв.

Сайт: www.evsyukov.ru

Адрес электронной почты: gen-evs@mail.ru

КУРСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ЕВСЮКОВЫ НА СИБИРСКОЙ ЗЕМЛЕ

*И, шагая за высокой новью,
Помните о том, что всякий час
Вечно смотрят с верой и любовью
Вслед вам те, кто жил во имя вас!*

Э. Асадов

Предыстория (с чего все начиналось...)

Неосознанный интерес к семейной истории, потребность знать имена своих предков и родственников возникли у меня еще в школьном возрасте, наверное, лет в 14-15. Тогда мне рассказывали, что у моего дедушки было более десяти братьев и сестер да у бабушки пятеро... Вот я и думал, будучи подростком, что нужно бы переписать всех родственников: ведь я, возможно, сам того не зная, общаюсь с кем-то из моих троюродных братьев или сестер (фамилии-то разные). Когда бывали с родителями в гостях у бабушки и дедушки, просил их записать имена родственников, но просьбы мои тогда, наверное, не воспринимали всерьёз, к тому же они были недостаточно настойчивыми. Не то время было – конец 80-х гг. XX в., о генеалогии никто не говорил, да и мне не до того было: школа, учеба... Поэтому из моей затеи тогда ничего толком не вышло.

Еще помню, как одна из учителей задала мне простой (как мне теперь кажется) вопрос по поводу того, откуда происходит моя фамильная линия, а сама предположила, что Евсюковы – это забайкальская фамилия. Не смог я тогда ответить на этот вопрос... Поинтересовался у папы, и он рассказал мне, что его родители приехали из Алтайского края. Но, как оказалось впоследствии, все было гораздо сложнее: мои предки пере-

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года, двор Лаврентия Карповича Евсюкова

брались на Алтай перед самой войной из Омской обл., а в Забайкалье, как выяснилось, тоже живут Евсюковы, но они нам не родственники, разве что очень дальние.

С новой силой интерес к своему роду проявился у меня в более сознательном возрасте. Уже будучи студентом Новосибирского госуниверситета, в середине 90-х мне довелось обучаться по стипендии в одном из университетов Германии. Там я увидел, насколько трепетно немцы относятся к истории своего рода. В обычной семье прямо в холле прихожей может висеть на стене родословное древо с именами предков на 7-10 поколений (кстати, в то время компьютеры не были так распространены, поэтому где-то имена были напечатаны еще на печатной машинке, а само древо нарисовано от руки). А вот потомки владельцев замков порой знают своих предков вплоть до XII-XIII вв.!

Этот момент надолго задал мне в память, и вот, уже создав свою семью, в 1999 г. я начал свои родословные изыскания. Расспрашивал бабушек, дедушек и их родственников, сканировал фотографии, записывал истории жизни их ближайших предков. К слову, троюродных братьев и сестер у меня нашлось более 60 (!), причем самый старший из них 1955 г. рождения, а самый младший – 1992-го, и, как выяснилось, ни с кем из них я ранее не пересекался... Узнал, что моей прабабушке было присвоено звание матери-героини за то, что она вырастила и воспитала 12 детей (всего родилось 15). А у прадедушкиного брата было 18 (!) детей, правда, от двух жен, и только 8 выжило... Много деталей о жизни моих предков мне удалось узнать тогда – родственники охотно делились своими воспоминаниями.

Но самое главное – это то, что для меня открылась подлинная история нашей Родины. Такая близкая, рассказанная от первого лица, та, о которой не прочитаешь в учебниках (кстати, историю я в школе не любил), но которая непосредственно касалась жизни моих предков – ее сберегли в своей памяти их дети и внуки. Здесь я расскажу о сибирском периоде жизни моих предков по основной фамильной линии – государственных крестьян Евсюковых, потомков детей боярских, поселенных в конце XVI в. на южных рубежах нашей родины в Оскольском.

Обложка книги: Истомина Н.К. Сибирь и переселенцы. – Харьков, 1892

Диплом матери-героини, врученный Ульяне Антоновне Евсюковой в 1947 г.

№ 59.

Поселок Салтаим,

Бутуновской вол., 98 двора, 254 душа муж., 222 души женского пола (по переписи 3 сентября 1893 года).

История образования поселка. Первые пионеры на участках были 4 семьи Курской губ. Ново-Оскольского уезда в 1886 г. Наполеон Савельев, Александр и Алексей из села Яблова 2, еще трое братьев у себя имел 8 семей. В то время участки Салтаима были освоенными землями, обрабатываемыми старожилами крестьянами соседней губернии Катерины, которые приехали переселенцами с целью раскопывать, добывать железные руды и проследить принадлежность 4 семьи. Поскольку земля они утратили нажить в районех окрестных, сь утратой обрели, но полагали продать себя, а сама земля такъ торговаться вырубить лесными работами весь годовой для хозяйственных построек беронитъ, когда это по началу иблики обрели. Переселенцы были такъ напутаны, что не решились на одиночку находить куда-либо, въ окрестках поселка были оставлены поселками работами. Когда третьим следующим 8 семей, трудности у нихозависели, требовалось известие, что весной 1887 г. они слышали рассказывали старожилами села, основанным на томъ, что старожилы не имеют никакого права работать на этихъ участках. Вызванное распоряжением начальства она привели отъ старожиловъ съезда и плату за землю отдали имъ уронами. Сь приходомъ помощи и новыи семьи начали приходить открывать на участки, предельности. Понимаясь колонируются на Салтаимскомъ участке переселенцы по землям из Тюменской губ. и другихъ истребъ а за недостаткомъ средствъ была привлечена чиновником по переселенческимъ деламъ Чернышъ Ильяшъ в Тюменскомъ изъ владения участка. Чернышъ 41 семья и 8 семействъ илкъ имъ указывали обманивая-холода въ Тюменскую область Митрофановского округа. Тюменской губ., на участке, на который они взяли 100 семей, они равны были, забрала и отпустили, на другихъ холодовъ. Подумать какъ-нибудь изъ Тюмени, что взяли 100 семей, Екатеринбургской губернии телеграфно переселенческому чиновнику г. Архипову о привлечении жителей на другие места. Обманивая землю, собралъ съ участка до 2000 р.

Фрагмент описания поселка Салтаим из книги «Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.)» – Т. 2. – М., 1897

Начь сообщаютъ, будто 90 семей, переселившихся изъ Черниговской, Курской, Киевской и другихъ губерний, въ Салтаимскую деревню Тюкалинскаго округа (въ 30 верстахъ отъ Тюкалинска, по Тюменской дорогѣ) находятся въ крайне бѣдственномъ положеніи. Приѣхавъ туда осенью, они почти всѣ (за исключеніемъ только 4—5 самостоятельныхъ) живутъ въ землянкахъ, даже лаптей не имѣютъ, а отъ продолжительнаго голода такъ ослабѣли, что не могутъ даже просить милостыню. Искотные изъ нихъ привезли съ собою, а иныяныя получили въ Тюмени, лошадей, повозки и другую «домашность», но теперь все это прощено, такъ что если они получаютъ отрицательный отвѣтъ на свое прошеніе о пособіи, подымае ими пѣданъ 3 тому назадъ, то, вѣроятно, немного доживутъ до весны.

Заметка про Салтаим из Сибирской газеты. № 6 – 21.01.1888. – С. 9

Мой дедушка **Евсюков Иван Павлович** родился в 1927 г. в пос. Салтаим, Крутинского р-на, Омской обл. Он и его братья и сестры рассказывали, что их родители Евсюков Павел Лаврентьевич и Евсюкова (Ряшина) Ульяна Антоновна приехали туда из Куртской губ., «с Нового Оскола и Корочи», правда, данные о годах их рождения и переселения у разных родственников несколько отличались... Как выяснилось впоследствии, в этих рассказах была только часть правды: на самом деле переселились они не из самих упомянутых городов, а из сел двух одноименных уездов. Но где и как искать?.. После некоторого времени блуждания в Интернете, а также переписки по электронной почте с теми, кто уже имел опыт архивных изысканий, у меня созрел план, и я начал отправлять запросы в архивы.

Первым в январе 2000 г. ответил Омский архив. Ответ не был обнадеживающим: «В документах нашего архива сведения о месте проживания Ваших родственников до переселения в Тобольскую губернию и даты их рождения не выявлены ... Результаты переписи 1926 г. на хранение в наш архив не поступали» [1]. Однако, кроме того, в письме сообщались и новые для меня сведения о годе образования и административном подчинении населенного пункта. Так я узнал, что д. Салтаим, Крутинской вол., Тюкалинского у., была образована в 1886 г. Архив также сообщил, что по имеющимся у них МК с 1890-го г. у Лаврентия уже в Салтаиме рождались дети. Следовательно, Евсюковы появились здесь между 1886-м и 1890-м гг.

Поскольку Тюкалинский у. относился к Тобольской губ., по совету специалистов я обратился с запросом в Тобольский филиал Государственного архива Тюменской обл. И здесь сразу большая удача! В сентябре 2000 г. мне ответили: «...По данным переписи 1897 г. в д. Салтаим... проживали Евсюковы и Ряшины. С этих документов сняты ксерокопии, которые будут отправлены после оплаты счета...». Нужно сказать, что переписные листы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. сохранились далеко не везде, всего в нескольких архивах (их полагалось уничтожать после завершения статистических подсчетов). Правда, из дальнейшей переписки выяснилось, что переписей жителей Салтаима за 1916-й и 1926 гг. Тобольский архив тоже не имеет... [2]. Но все-таки информация из листов переписи 1897 г., ксерокопии которых я получил через несколько месяцев, стала главной отправной точкой для всех моих последующих поисков. Здесь для экономии я опускаю подробности всей этой работы с архивами (а в дальнейшем я отправлял запросы и в Курск, и в Белгород, затем сам ездил туда, кроме того, много лет работал с документами Российского государственного архива древних актов в Москве), в процессе которой я еще не раз сталкивался с различными тупиками и загадками, которые далеко не сразу удавалось преодолеть. Постараюсь кратко изложить результаты моих многолетних изысканий.

Три века на Курской земле: от детей боярских до государственных крестьян

Евсюковы переселились в Тобольскую губ. из с. Огибного, Коньшинской вол., Новооскольского у., Курской губ. (ныне Чернянский р-н Белгородской обл.). Род ведет свое начало от **Даниила Евсюкова**, который появился здесь, вероятно, на рубеже XVI-XVII вв. Его дети были верстаны в дети боярские и в начале XVII в. несли службу по защите южных границ Русского государства [3].

В те далекие времена данная территория относилась к Оскольскому у., который, как отмечали еще дореволюционные исследователи, был почти целиком заселен детьми боярскими [4]. Согласно дозорной книге Оскольского у. за 1615 г. переписи писца Осипа Секерина и подьячего Добрыни Русанова сын боярский *Емельян Данилович Евсюков* имел поместье в д. Волковой (Приезжая поляна) Орлицкого стана. «На его жеребье [5] – двор помещиков, пашни паханные добрые земли – четверик [6] ... Всего: пашни паханные, и на пашню дубровы, и дикого поля [7] – пол-полтрети и пол-пол-полтрети сохи [8] в поле, а в дву потому ж. Сена – по конец поль, и по заполью, и по дубровом, и лес – с своими товарищи всем вопче» [9].

В 1640 г. в 3 километрах к юго-западу от Волково недавно поверстанными в службу оскольскими детьми боярскими была основана д. Огибная Поляна. В писцовой книге Оскольского у. за 1643 г. писца Г.Д. Хотетовского находим описание владений нашего пращура, сына боярского Неустроя Даниловича Евсюкова: «...По конец Орлицкого леса, против Молодежникова колодезя [10] на Молодежниковой поляне по обе стороны Онохинского колодезя. А на его жеребье – двор помещиков. Пашни паханные добрые земли от Молодежниковой поляны до Ольшанского рогу – четь. Да дикого поля на пашню – сорок девять чети. Обоего: пашни паханные и дикого поля на пашню – пятьдесят чети в поле, а в дву потому ж. Сена по конец поль, и по заполью, и по дикому полю, и по отскочным лескам на гору по речке по Ольшанице по Отсельную плоту на Плотавой лесок по Сторожевую стешку – пятьдесят копен. Лес Орлицкой вопче со всеми помещики. А сошного письма в живущем и в пуге – пол-полчети сохи» [11].

В этом же 1643 г. в соседней д. Волково по-прежнему числится двор Емельяна Даниловича Евсюкова (поместье размером 100 четей), а также его племянника Петра Павловича Евсюкова (50 четей), а в д. Огибной помимо Неустроя Даниловича (имевшего 50 четей) записан еще один брат Юрий Данилович Евсюков (с поместьем в 50 четей). К слову, 50 четей (150 десятин в трех полях) – это по-нынешнему 82 га земли, а 100 четей – 164 га. Довольно неплохое поместье по современным меркам! Подробнее об основании д. Огибной, ее первых поселенцах,

Изъ Салтаимской деревни Токвалдинскаго округа намъ сообщаютъ о переселенцахъ слѣдующія дополнителныя данныя (*). Кромѣ прошенія о доп...

бин, отправляяго Тюменскому чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ, г. Архипову, Салтаимцы послали къ нему еще ходокочъ. Въ концѣ третьей недѣли поста г. Архиповъ прибылъ лично въ дер. Салтаимскую. Пробывъ тамъ почти цѣлый день и познакомившись съ положеніемъ переселенцевъ, онъ роздалъ имъ болѣе 1000 р. (пшвынцамъ кое что изъ «домашности» по 10 р., немнѣющимъ низкого кровъ хаты по 20 р.), пообѣщавъ дать ко времени посѣва на сѣмена. До этого времени Салтаимцы надѣются просуществовать на данное имъ пособіе. Не всѣ, конечно, смотрятъ на будущее одинаково. «Если», гово рилъ одинъ изъ нихъ корреспонденту, «баринъ и дастъ на сѣмена, то все таки не всѣмъ придется сѣять, такъ какъ у многихъ нѣтъ ни сохи, ни бороны». «Но, прибавляютъ другіе, «лишь бы да абы прожить, а потомъ всегда будутъ заработки, въ крайнемъ случаѣ, однимъ сѣвомъ да огородамъ можно будетъ и лѣто, и слѣдующую зиму просуществовать». Главная причина описаннаго равнѣе блаженнаго положенія этихъ переселенцевъ заключается въ томъ, что они слишкомъ поздно, т. е. осенью, прибыли на новое мѣсто, тогда какъ другіе переселенцы приходять обыкновенно весной. Крестьяне Курской губерніи хотѣли выйти раннее весною, но долго не приходили нужными для этого бумагами и они должны были поэтому отправиться только осенью. Одинъ изъ Салтаимцевъ (изъ Курской губ.) рассказывалъ корреспонденту, что онъ еще три года тому назадъ хотѣлъ переселиться, но только въ послѣднее лѣто получалъ разрѣшеніе. «Хорошо еще» прибавляетъ онъ, «что вырвался: теперь, говорятъ, переселенцевъ еще больше стѣсняютъ». О г. Архиповѣ же онъ отзывался съ большою похвалою, называя его «ласковымъ, хорошимъ баринкомъ». Что касается пособія, которое онъ роздалъ имъ, то никто изъ нихъ не знаетъ опредѣленно, дали ли имъ это пособіе въ видѣ ссуды, или же безъ возврата.

Заметка про Салтаим из Сибирской газеты. № 32 – 01.05.1888. – С. 10

Фрагмент административной карты Омского округа Сибирского края. 1928 г.

особенностях жизни на южных окраинах Русского государства: тяготах службы, набегах татар, хозяйственных повинностях и др., – см. статью автора в сборнике «Белгородская черта» [12].

Итак, в течение всего нескольких десятилетий первой половины XVII в. род Евсюковых от одного родоначальника Данилы вырос до четырех семей (дворов). В начале же XVIII в. в двух уже на тот момент селах Волково и Огибное (к тому времени Яблоновского у.) насчитывалось 14 дворов Евсюковых! [13] Процесс разделения семей и дробления земельных наделов между детьми продолжался постоянно на протяжении нескольких столетий, и в некоторые годы в упомянутых двух селах, а также в двух соседних деревнях количество дворов Евсюковых достигало 25 и более [14]. Потомки детей боярских стали однодворцами [15], а их потомки – государственными крестьянами. При этом новой земли они не получали (хотя могли ее купить у односельчан), но обрабатывали наделы, жалованные их предкам еще в XVII в. Очевидно, что за почти три столетия к концу XIX в. размер их земельных участков существенно уменьшился. Так, согласно Спискам о четвертных подворных владельцах Новооскольского у. за 1880 г. (составлен 30.07.1879) Евсюковы с. Огибного имели в пользовании от 5 до 19 (а в среднем чуть более 10) десятин земли, то есть почти в 15 раз меньше, чем их предки два с половиной столетия назад [16]. В дополнении к этому списку, составленному 04.07.1880 («Список всех переходов земли за 1875-1879 гг.»), упомянут и Лаврентий Евсюков – один из первых поселенцев Салтаима. Так, в документе зафиксировано, что из 12 десятин, числившихся за Кузьмой Евсюковым, 6 десятин «по добровольному разделу перешло к брату солдату Лаврентию Карповичу Евсюкову» [17]. К слову, младший их брат Дмитрий Карпович, который также переселился в Сибирь, и вовсе своей земли не имел: как самостоятельный владелец в упомянутом документе он не числится (на момент составления списка ему было 23 г.).

В то же время из хозяйственного описания с. Огибного за 1886 г., подготовленного губернским земским статистическим бюро, мы узнаем что «при 12-десятинном наделе на двор, крестьяне живут сравнительно обеспеченно. Домохозяева, имеющие надел ниже этой цифры, для пополнения своего бюджета арендуют землю у соседних владельцев или отпускают одного из членов семейства на лето на заработки «в закос» [18].

Вот почему государственные крестьяне Лаврентий и Дмитрий Евсюковы, потомки сына боярского Данилы Евсюкова в 9-м поколении, в конце XIX в. отправились искать «лучшей доли» в Сибирь. Малоземелье признается одной из причин массовых крестьянских переселений многими исследователями того времени, а также различными комиссиями по сельскохозяйственным вопросам, при этом достаточным размером надела для земледельческих губерний в таких трудах принимается в среднем 5-7 десятин на душу или 10-15 десятин на двор (что, кстати, соответствует вышеприведенной оценке в 12 десятин из Курского статистического сборника) [19].

Но что представляло из себя переселение в Сибирь в конце 1880-х гг.? Можно с уверенностью сказать, что для обычной крестьянской семьи из Курской губ., предки которых жили на одном месте на протяжении нескольких столетий, это являлось серьезным испытанием. Не все понимали, что их ждет на новом месте: климат в Сибири был другим, качество земель сильно отличалось от черноземной полосы. До строительства Транссибирской магистрали оставалось более 10 лет, до начала Столыпинских реформ – более 25 лет... К тому же не было еще подробных пособий и книг, которые специально издавались в помощь переселенцам в последующие годы [20].

Тем не менее, как показывают архивные источники, объемы переселения в 1880-е гг. постепенно увеличиваются. В Курском архиве количество таких дел огромно, среди них удалось найти и дела с прошениями о переселении жителей с. Огибного, в том числе Евсюковых. Так, 15.07.1886 специальный чиновник, командированный для заведования переселенческим делом в Тобольской губ., ссылаясь на сообщение Управления государственными имуществами от 22.03.1885, сообщал Курскому губернатору, что в Крутинской вол. Тюкалинского округа между с. Крутинским и д. Калачики, при озерах Салтаим и Камышном вымежеван участок земли для водворения переселенцев в числе 408 душ. Размер участка 11 806 десятин, в том числе 8568 десятин удобной земли, среди которой 2895 десятин пашни. Кроме того, он сообщал, что семь семей из Ольшанской и Коньшинской вол. Новооскольского у., в том числе 4 семьи Захаровых, 1 семья Евдокимовых (д. Захарова), а также 2 семьи Башкатовых (с. Огибное), уже осмотрели

указанный участок и выразили готовность переселиться. Как часто происходило в то время, переписка по данному вопросу затянулась надолго. Тем временем оказалось, что «крестьяне те до возбуждения о переселении их переписки еще в мае месяце текущего года со всеми их семействами самовольно, распродав имущество и заложив землю, выехали в Тобольскую губ.». [21] Как мы увидим далее, это и были первые поселенцы Салтаима.

Что интересно, весной того же 1886 г. имела место переписка по прошению других будущих жителей Салтаима – государственных крестьян с. Воробьевка, Черемошнянской вол., Курского у. Вот только переселяться они первоначально планировали в д. Тетерья, Лузинской вол., Тюкалинского окр. Сохранилось уникальное письмо на родину от их ходока Н.Л. Воробьева (написано 11.04.1886), в котором он, будучи в Сибири, сообщает, что ждет разрешения начальства на водворение на новом участке и приглашает односельчан переселиться вместе с ним. В письме он кроме прочего дает советы и наставления, сообщает о том, что нужно учесть в дороге, и подробно описывает путь следования в Сибирь («поезжайте до Оренбурга, из Оренбурга – на Петропавловск, из Петропавловска – на Никольскую казачью станицу, а оттуда – прямо на Тетерьевскую»). Однако по каким-то причинам на окончательное поселение их направили именно в Салтаим. Так, из 13 семей с. Воробьевка, по которым в мае 1886 г. (в процессе сбора сведений для получения разрешения на переселение в Лузинскую вол.) были составлены списки имущества, 9 семей (Букреевы, Гуторовы, Воробьевы) мы впоследствии находим среди жителей Салтаима (сам автор письма, впрочем, его жителем не стал). Однако согласно документам переселенческих пунктов почти все они подходили к Салтаиму уже на следующий год, летом 1887 г. Таким образом, первыми поселенцами следует все-таки считать Башкатовых, Едокимовых и Захаровых из Новооскольского у., пришедших сюда в 1886 г. [22].

В следующем 1887 г. крестьяне Новооскольского у., прослышав про их земляков, переселившихся в Тобольскую губ., начали массово подавать прошения о переселении на тот же участок у оз. Салтаим. Местные чиновники в своей переписке с вышестоящим начальством упоминают о «возбужденном» состоянии крестьян, перечисляют случаи, когда те продают или закладывают имущество с намерением переселиться, не дожидаясь разрешения властей, высказывают опасения о том, что количество прошений будет только расти. В какой-то момент о переселении ходатайствовало уже 200 душ мужского пола... Из Тобольской губ., правда, успокаивали и поясняли, что участок, выделенный под переселение, может принять не только 200, но и все 500 человек мужского пола... Впрочем, далеко не всем подателям в результате такие разрешения выдали. Рассмотрим, как выглядела переписка на примере ходатайства крестьян Новооскольского у., которым все-таки удалось переселиться в Сибирь.

13 июня 1887 г. прошение о переселении на участок у оз. Салтаим подали 14 семей государственных крестьян из с. Огибного, среди которых был и Дмитрий Карпович Евсюков. 3 декабря 1887 г. Курское губернское по крестьянским делам присутствие рассмотрело данное прошение и постановило: принимая во внимание неблагоприятные экономические условия части просителей, дать делу ход и запросить разрешение на переселение из Министерства внутренних дел. Вместе с тем часть крестьян, среди которых оказался и Дмитрий Евсюков, малоземельными не признали (а земли у него не было), поэтому в их отношении прошение «оставлено без последствий» [23].

В другом деле уже от 1888 г. встречаем переписку г-на Ачкасова, непременно члена по крестьянским делам присутствия в с. Коньшино, в которой он ссылается на запрос тобольского чиновника по переселению прислать ему увольнительные документы на пять жителей с. Огибного, которым было разрешено переселиться в Салтаим: Т.Д. Болтенков, Ф.И. Гладких, отставные рядовые В.Ф. Копнин, Л.К. Евсюков и запасной рядовой Д.К. Евсюков. Из переписки следует, что увольнительный приговор был датирован 27.12.1887, а увольнительные свидетельства от волостного старшины 28.01.1888 [24]. Похоже, переселиться Дмитрию Карповичу все-таки разрешили, причем в таком решении к нему присоединился и его брат Лаврентий.

Но, что интересно, в документах переселенческих пунктов Тобольской губ. обнаружены отметки, из которых следует, что уже в июне 1887 г. Евсюковы были в Сибири. При этом удалось буквально по дням восстановить их путь следования по Тюменской обл. (а передвигались они на подводах). Так, 1 июня Лаврентий и его односельчанин В.Ф. Копнин прошли Богандинскую

вол., Тюменского окр. (ныне пос. Богандинский, Тюменского р-на). На следующий день, 2 июня, они отметились уже в 85 км – в Новозаимской вол., Ялуторовского окр. (сейчас с. Новая Заимка, Заводоуковского р-на), еще через 4 дня (6 июня) – через 160 км – в Черемшанской вол., Ишимского окр. (в Безруково, а теперь с. Ершово, Ишимского р-на). Наконец, 9 июня (еще через 3 дня и через 100 км) они прошли Камышинскую вол., Тюкалинского окр. (д. Камышинка, Арбатского р-на, тракт раньше проходил именно здесь), а это уже на подходе к цели – примерно в 80 км от Салтаима (см. иллюстрацию на с. 201) [25].

То есть, по сути, они еще за полгода до выдачи увольнительных свидетельств уже были почти на месте. Впрочем, такая практика (переселяться, не дожидаясь получения на руки нужных бумаг) в то время была широко распространена. Можно предположить, что с учетом скорости их передвижения (в среднем 40-50 км в день), Лаврентий Карпович с семьей прибыл в Салтаим уже к середине июня 1887 г.

В отношении его брата Дмитрия подобных отметок из переселенческих пунктов пока найти не удалось, зато выяснилось, что уже после прибытия в Салтаим в январе 1888 г. он получил повестку от Новооскольского мирового судьи, согласно которой к 20.04.1888 г. должен был явиться в качестве обвиняемого за самовольную отлучку из места причисления. К счастью, согласно последующей переписке чиновника по переселению с Курском от февраля-марта 1888 г., дело удалось уладить на основании того, что Дмитрий не имел в Огибном земельного надела, ссылаясь на факт, что большинство переселенцев также прибывали в Тобольскую губернию, не имея разрешений от местных властей. Кроме того, оказалось, что увольнительное свидетельство Дмитрия, которое было направлено в Курское губернское присутствие еще 31.01.1888 г., затерялось в бюрократической переписке между ведомствами. Так, в ноябре 1888 г. его разыскивало Тюкалинское воинское начальство на предмет исключения Дмитрия из учета запасных нижних чинов по Новооскольскому у. и зачисления в списки по Тюкалинскому окр. В ходе переписки, между прочим, выяснилось, что Дмитрий был снят с учета по прежнему месту жительства еще 4 июля, а 3 сентября его увольнительный билет был дополнительно отослан Тюкалинскому воинскому ведомству [26].

Открытым остается вопрос о полном маршруте следования Евсюковых при переселении в Сибирь. Конкретных подтверждений об их перемещениях до прибытия в Тюмень пока не найдено. В то время переселенцы в основном передвигались гужевыми транспортом, лишь частично (из-за дороговизны) используя железные дороги, которые были построены на некоторых участках пути следования. К 1887 г. уже функционировали две ветки Уральской железной дороги: Пермь–Екатеринбург и Екатеринбург–Тюмень. До Перми можно было добраться пароходами – водным путем от Саратова или Сызрани. В Саратов железная дорога от Воронежа проходила через Козлов и Тамбов, а до Сызрани (конечная станция Батраки) – через Рязск и Моршанск. Вполне вероятно, что Евсюковы воспользовались одним из таких путей, хотя эта версия еще требует своего документального подтверждения. Так, по свидетельству дореволюционных исследователей того времени, некоторые переселенцы, не имея средств для оплаты проезда, по-прежнему передвигались на собственных лошадях, старыми трактами, даже вдоль уже построенных железных дорог [27].

На основе анализа выявленных архивных источников удалось провести детальное сопоставление дат отбытия из места прежнего проживания и дат прохода по территории Тобольской губ. лишь по двадцати с небольшим семьям, переселившимся в Салтаим в том же 1887 г. из нескольких населенных пунктов Колоденской и Муравьевской вол. Курского у. Все они прибыли на место на 2-3 месяца позже Евсюковых, а путь из Курского у. у них занял в среднем немногим более месяца [28]. С учетом средней скорости передвижения гужевым транспортом очевидно, что курские переселенцы использовали железнодорожные и водные маршруты, иначе бы их путь (приблизительно равный пути из Огибного – по суше около 2700 км) занял не менее двух месяцев. Для иллюстрации того, как выглядело переселение глазами его участников, можно порекомендовать интереснейший цикл очерков русского писателя Г.И. Успенского, который называется «Поездки к переселенцам». В них он описывает свои впечатления от поездки в Сибирь в 1888 г. (то есть через год после переселения Евсюковых). Писатель с большой ответственностью отнесся к этой работе и рассматривал ее как важное общественное поручение,

которое он обязан был выполнить в качестве «летописца страданий русского крестьянства». В первой части «От Казани до Омска и обратно» он подробно описывает свою дорогу до Перми на пароходе и далее до Тюмени по железной дороге, по пути встречаясь и заводя задушевные разговоры о жизни как раз с переселенцами из Курской губ. [29].

Согласно посемейному списку 1887 г. состав семей братьев Евсюковых перед отбытием в Сибирь был следующим: Лаврентий – 51 г., у него жена Аксинья Дмитриевна – 35 л., сыновья: Андрей – 17 л., Павел – 15 л., Иосиф – 5 л., дочери: Мария – 18 л., Елена – 8 л., Прасковья – 1 г. По сведениям переселенческих пунктов добрались они до Салтаима в полном составе. Дмитрий же отправился в Салтаим в возрасте 30 л., у него жена Акулина Демьяновна – 30 л., сын Свирид – 2 г., дочери: Надежда – 7 л. и Екатерина – родилась в 1887 г. [30].

Устроившись в Салтаиме, братья завели собственное хозяйство. Согласно сведениям о материальном положении переселенцев по состоянию на 21.12.1889 г. семья Лаврентия проживала в избе, в хозяйстве имелись лошадь и корова. Семья состояла из 3 мужчин и 2 женщин (в первые годы умерли их дети Иосиф и Прасковья, а Марию, очевидно, выдали замуж). Семья Дмитрия жила в землянке, в хозяйстве имелось две лошади. Оба брата занимались хлебопашеством [31]. Через 10 лет после переселения, по данным переписи 1897 г., у Лаврентия трое сыновей – Андрей (у него жена Пелагея и сын Поликарп), Павел и Афанасий (родился в январе 1890 г.), дочь Елена, жены не записано. У Дмитрия и Акулины сын Свирид, дочери: Фекла – 7 л., Марфа – 3 г. и Вера – 1 г. (дочь Екатерина умерла летом 1890 г., а Надежду, вероятно, выдали замуж) [32].

Салтаим: история основания

Итак, как мы уже знаем, Салтаим был основан в 1886 г. Мы также проследили, как выглядел процесс, связанный с переселением в Сибирь, с точки зрения выезжающих из Курской губ. Но что же происходило на месте, в самом Салтаиме? Оказалось, что на этот вопрос нам могут дать ответ дореволюционные печатные издания, в которых обнаружилось неожиданно много сведений о первых тяжелых годах жизни переселенцев.

Об отношении старожилов ко вновь прибывшим на примере Салтаима повествует книга Н.К. Истоминой «Сибирь и переселенцы», изданная в 1892 г.: «В Крутинской вол. Тюкалинского окр. Тобольской губ. при оз. Салтаим и Камышном был основан зимой 1886 г. пос. из партии переселенцев из Курской губ.; им был отведен участок из 8568 десятин, в том числе 863 десятины леса. Сравнительно со старожилами соседних деревень Усть-Китермы и Калачикова переселенцы были немногочисленны, поэтому тотчас же по их прибытии старожилы стали собираться партиями в десятки людей и вырубать лучшие участки отведенного переселенцам леса; с наступлением лета они выкашивали у новоселов траву на самых лучших сенокосных местах. Кроме того, старожилы подсылали к избам переселенцев тех из своих молодцов, которые крали лошадей, а подчас готовы были даже и убить» [33].

Детальное описание пос. Салтаим содержится в следующей книге: «Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губ. за 15 л.»: «Первыми пионерами на участке были 4 семьи Курской губ. Ново-Оскольского у. в 1886 г. [34]. Наскоро сложив землянки и прожив в них месяца два, они приютили у себя еще 8 семей. В то время уч. Салтаим был самовольно занят, обрабатывался старожилами – крестьянами соседней д. Китермы, которых приход переселенцев сильно раздражил, побудив всякими мерами преследовать пришедшие 4 семьи. Несколько раз они угрожали напасть и разбросать землянки, с угрозой побить; не позволяли трогать леса, а сами между тем торопились вырубить наемными рабочими весь годный для хозяйственных построек березник, увозя его по ночам целыми обозами. Переселенцы были так напуганы, что не решались в одиночку выходить куда-либо, в окна землянок были вставлены железные решетки. Когда прибыли следующие 8 семей, храбрости у новоселов прибавилось настолько, что весной 1887 г. они засеяли распаханное старожилами поля, основываясь на том, что старожилы не имеют никакого права работать на этом участке. Вследствие распоряжения начальства они приняли от старожилов семена и плату за посев отдали им урожаем. С приходом новых и новых семей всякие притязания старожилов на участок прекратились» [35]. Так, к осени 1887 г. в пос. насчитывалось уже более 95 семей: к курским переселенцам присоединились несколько семей из Киевской и Полтавской губ. [36].

На этом, однако, трудности на новом месте не закончились... Вот что в январе 1888 г. о переселенцах пишет Сибирская газета: «...Находятся в крайне бедственном положении. Приехав туда осенью, они почти все (за исключением 4-5 состоятельных) живут в землянках, даже лаптей не имеют и от продолжительного голода так ослабли, что не могут просить милостыню ... Так что, если они получат отрицательный ответ на свое прошение о пособии, поданное ими недели 3 тому назад, то, вероятно, немногие доживут до весны» [37]. В мае 1888 г. вышла следующая статья, сообщившая, что из Тюмени на место прибыл г. Архипов, чиновник по крестьянским делам, который пробыл там почти целый день и, познакомившись с положением переселенцев, раздал жителям денежное пособие (по 10-20 рублей, всего более 1000 рублей), а ко времени посева пообещал дать еще денег на семена. Правда, не все поселенцы смотрели в будущее с оптимизмом: у некоторых вообще не было никаких орудий труда: ни сохи, ни бороны, так что возможности самостоятельно засеять полученные семена у них не было. Свое бедственное положение они объясняли тем, что из-за волокиты с бумагами слишком поздно (то есть осенью, а не весной) прибыли на место [38]. Наконец в июне того же года Сибирская газета подвела итог этой истории и сообщила о благополучном исходе дела: «По слухам, их ходатайство о пособии не осталось без удовлетворения».

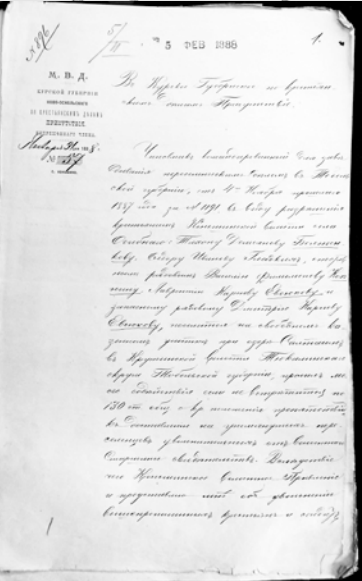
Сохранился уникальный источник, характеризующий хозяйственное состояние жителей через год с небольшим после описываемых событий, по состоянию на 21 декабря 1889 г.: «Сведения, составленные Крутинским волостным правлением о материальном положении российских переселенцев, причисленных в разное время по распоряжениям Тобольской казенной палаты на казенно-оброчный участок при озерах Салтаим и Камышном с образованием д. Салтаимской и того же сельского общества». В соответствии с этим документом в Салтаиме 105 семей, в которых 359 жителей м.п. и 310 ж.п. 10 семей состояли «в неизвестной отлучке» и одна числилась вернувшейся на прежнее место жительства. Без них в деревне всего 94 семьи, 328 мужчин и 289 женщин. Из наличных жителей 13 имели дом, 36 – избу, 26 по-прежнему жили в землянках, 19 семей жилья не имели (за отсутствующими семьями никаких строений тоже не было). Хлебопашеством занимались 59 семей, остальные – работники (среди них один плотник и один кузнец). В деревне 138 лошадей, 88 коров и 116 голов мелкого скота [39].

Еще почти через 4 года по опросу 3.09.1893 г. в поселке 98 дворов, 284 душ м.п. и 222 души ж.п. Почти у каждого был колодец глубиной в 4 аршина, выложенный плетнем, а два еще глубже – в 6 аршин (каждого из таких двух было достаточно, чтобы поить по 40 голов скота целый год).

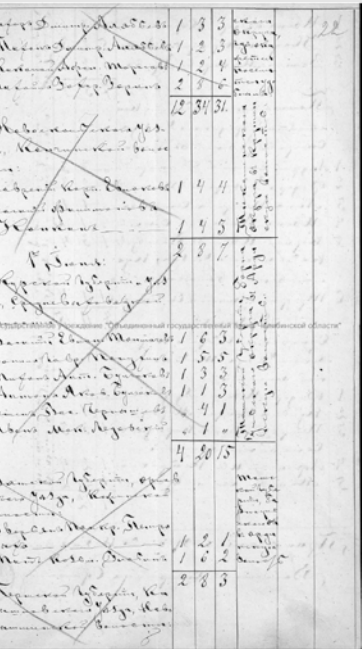
Поселок располагался вдоль одной улицы, растянувшись на 4 версты 40 саженей, с расстоянием между избами в 10-20 саженей. Дома были построены по гриве [40], на задворках в низких местах сажали капусту и коноплю. Перед домами через дорогу был мелкий березняк, а за ним огороды для картофеля. Из зерновых сеяли озимую и яровую рожь, пшеницу, ячмень, овес, гречиху, просо, горох. В первые годы зимой ловили рыбу в озере Салтаим, но ее с годами стало совсем мало, по-этому зарабатывали уловом всего 3 семьи. Скотина летом целый день находилась на пастбище, зимой – в плетневых дорах на соломе и сене. В поселке имелось 152 лошади (при этом за все время украдено до 50 лошадей), 167 коров, 40 шт. гулевого (т.е. свободного от работы) скота и 42 безлошадных хозяина. В то время лошадь стоила 18-20 рублей,

Наградной лист Кирилла Павловича Евсюкова, 1944 г. (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 469. Л. 1)

Наградной лист Кирилла Павловича Евсюкова, 1944 г. [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 469. Л. 1]

Фрагмент архивного дела с перепиской о переселении Лаврентия и Дмитрия Евсюковых из Курской губернии в Салтаим [ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 4564. Л. 1]

корова – 10 руб., овца – 1,5 руб., цены на утварь: соха – 10 руб., борона – 1 руб., телега – 10 руб., сани – 2 руб. При этом работнику платили 30 руб. в год, работнице – 6 руб., на период полевых работ – 15 и 4 руб. соответственно [41].

Анализ переписных листов по жителям Салтаима, составленных в 1897 г. в ходе Всероссийской переписи населения, позволяет зафиксировать окончательный состав населения (движение которого происходило все предыдущие годы), в том числе систематизировать места выхода переселенцев. В частности, оказалось, что в этот год в селении уже не проживало выходцев из Киевской, Полтавской и Черниговской губ., о чем за 10 лет до этого писала Сибирская газета (см. выше), хотя еще в 1888-89 гг. в Салтаиме числились десять семей из этих трех губ. (Величковка, Ильченко, Калужный, Клыжка, Николайчук, Полуда, Роговой, Рябченко, Сидоренко и Яровой). По всей вероятности, позже они переехали в другое место. Основу населения деревни в 1897 г. составляли государственные крестьяне Курского у., Курской губ. (в скобках указано количество дворов, если в переписи их записано более одного): Алфимовы, Алябьевы, Батютенковы, Беседины, Бугорские, Букреевы (3), Воробьевы (3), Гуляевы, Гуторовы (6), Даренские (2), Дурзины, Евдокимовы, Железновы (3), Зорины (2), Иноходовы, Картавцевы (2), Козловы (2), Кононовы, Крутиковы, Лобищевы (2), Пискловы, Пронины, Редькины, Родионовы (3), Силаковы, Смецкие (2), Суровы, Тарасовы (3), Харские (2), Хоркины, Чефрановы, Шашкины (2), Шеховцовы (2), Шишкановы.

Существенная часть жителей приехали из других уездов Курской губ.: из Новооскольского – Башкатовы, Евдокимовы, Евсюковы (2), Захаровы (4), Копнины, Саньковы (3); из Тимского – Астаховы, Гнидины, Карбышевы, Локтионовы, Окуневы, Поросенковы, Пузиковы, Росляковы, Савенковы, Смараковы, Трутаевы, Федоровы, Шелковы; из Корочанского – Ряшины.

Оставшуюся небольшую часть (менее 20% дворов) составляли выходцы из прочих губ.: из Себежского у., Витебской губ. – Батурины, Ивановы, Линские, Митрофановы (2), Никитины, Фомины (2), Яковлевы; из Карачевского у., Орловской губ. – Иванюхины, Котовы, Ляленковы, Черняевы; из Пронского у., Рязанской губ. – Фетисовы; из Тульского у., Тульской губ. – Полуектовы. Всего в Салтаиме в 1897 г. по переписи числилось 104 двора [42].

В 1909 г. число отдельных (самостоятельных) хозяев в Салтаиме составляло уже 110, число жителей – 819, из них 453 мужчины, 366 женщин. В селении имелась школа грамоты, хлебозапасный магазин, торговая лавка, маслодельня, маслобойня, кузница, пожарный сарай, 15 ветряных мельниц [43].

В 1914 г. согласно Справочной книге Омской епархии в поселке числилось 890 жителей (церковь находилась в 18 верстах в с. Крутинском), имелась церковно-приходская школа [44].

Наконец, по данным переписи 1926 г. в Салтаиме 191 хозяйство, 1164 жителя, в том числе 574 мужчины, 590 женщин. В деревне был сельсовет, лавка общества потребителей, школа находилась в 4 километрах, в д. Калугино, ближайший лечебный пункт в 21 километре в с. Крутинском, ближайшая станция Называевская – в 69 км [45].

Салтаим: воспоминания о довоенном времени

А вот что рассказывал мой дедушка о жизни в Салтаиме в 30-е гг. XX в.: Салтаим была «богом забытая деревня», в ней была всего одна

улица длиною примерно 4 км – вот и вся деревня... По обеим сторонам улицы шли огороды. Один конец деревни назывался почему-то «увал» [46], а другой, где жили Ряшины, – «буфер» (см. иллюстрацию на с. 186).

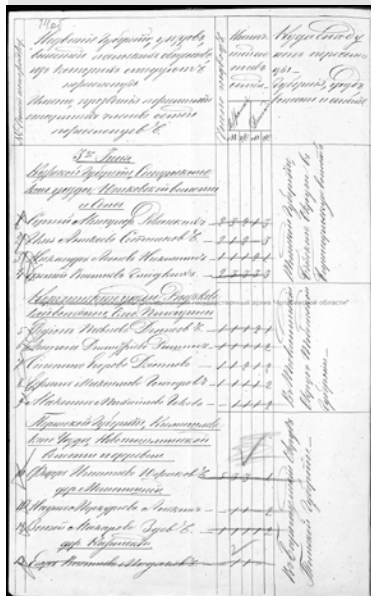
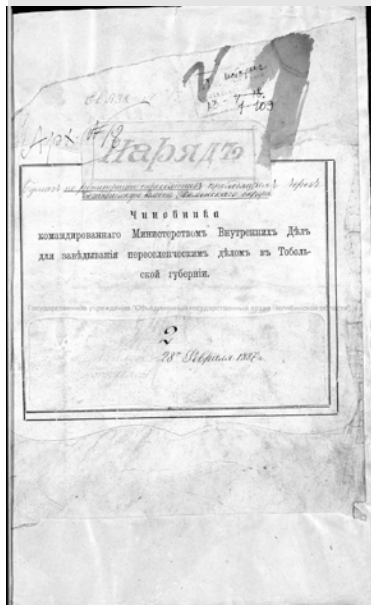
После огородов начиналось болото – ляга [47]. За ним на сухом месте стояли мельница и летний загон для скота. Для мельницы соорудили домик, в который привезли и поставили паровой котёл от локомотива. От котла через шкив приводилось в движение большое колесо (больше полутора метров в диаметре), которое в свою очередь крутило жернова. Печь парового котла (паровика) топили дровами, так как возить уголь со станции было слишком далеко.

В 3 км от деревни находилось оз. Салтаим. Оно было достаточно большое, в некоторых его местах даже не было видно другого берега, но мелкое: идёшь с полкилометра, а вода всё время по пояс (в начале 1940-х гг. уровень воды в озере поднялся, и луг затопило, а вода дошла до самых огородов). С другой стороны деревни в полукилометре за фермой находилось ещё одно озеро, небольшое, 50-100 м в диаметре, его называли Киргизциком.

За болотом перед озером был луг длиной на всю протяжённость деревни (4 км) и шириной от 1 до 3 км. Луг был очень ровный, а трава на нем росла низкая, не выше десяти сантиметров. Раньше на этом месте было дно озера. На этом лугу жители деревни (и молодые, и старые) любили играть в разные игры. Играли, например, в шаровки [48]. Для этого делали из корня деревянный шарик сантиметров десять диаметром и биты (шаровку) длиной 60-70 сантиметров. Игроки выстраивались в ряд на расстоянии 2-3 м друг от друга, каждый делал перед собой лунку в земле диаметром около 15 см и глубиной 5-10 см. Ведущий, который стоял метрах в двадцати от других игроков, по очереди бросал шарик каждому из игроков, а тот должен был, бросив биты, попасть по летящему шару так, чтобы тот отлетел как можно дальше. После броска ведущий бежал за шариком, а игрок – за битой, после чего их нужно было положить в лунку – кто первый. Если игрок первым опускал свою биты в лунку, то ведущий возвращался на своё место и кидал шарик следующему игроку, если ведущему удавалось первому положить шарик в лунку игрока, то они менялись с ним местами.

Ещё любили играть «в чикоту» [49] или «в чижика». Для неё бралась небольшая палка длиной около 25 см круглого или квадратного сечения и заострялась с обеих сторон. Биты были подлиннее, чем для игры в шаровки, – метр, метр двадцать. Игрок должен был ударить по кончику лежащей на земле палки (чижика) так, чтобы она подскочила в воздух, а потом ещё раз ударить по ней, пока она летит так, чтобы она отлетела как можно дальше. После этого ведущий бежал за палкой, а игрок должен был добежать за это время до определённого места. При этом он проговаривал считалку (припевку): «Чикота, брикота, коромысло и вода; чикотали, брикотали, девки по лесу гуляли» и т.д. Также играли в лапту.

Молодёжь Салтаима проводила свободное время на вечерках. Это было определённое место в центре, где собиралась молодёжь со всей деревни. Там пели и плясали под гармошку, заводили знакомства, иногда до женитьбы. А когда надоедало сидеть на одном месте, просто шли и пели. Разговорный фонд салтаимских жителей был своеобразной тарабарщиной: смесью русского, древнерусского, украинского и других языков. Например, «нудак чтож» – ну так что же, «имуть» – иметь, «надись» – на днях, «лонись» – летом, звук «г» произносили ближе к «х», на южный лад.

Фрагменты архивных дел с регистрацией переселенцев Л.К. Евсюкова и А.Д. Ряшина, проходивших по территории Тобольской губернии в 1887 году [ОГАЧО. Ф. И13. Оп. 1. Д. 109. Л. 22. Д. 96. Л. 14 об.]

По деревням в то время ездили «заготовители», скупали рога, копыта, лошадиные и коровьи хвосты [50], кости, сломанные иголки (в том числе патефонные), лезвия, а с собой возили разную мелочь: ручки, карандаши, нитки, иголки, ленты. Сдаёшь сломанную иголку, доплачиваешь определённую сумму и получаешь новую. Едут, бывало, по деревне и кричат: «Щетина, волос, телятина, жеребятина». Кроме того, в Салтаим время от времени приезжал фотограф. Снимал фотоаппаратом на треноге. Его все время отправляли к Евсюковым, так как у тех был один из самых больших домов в деревне. Фотограф жил в Салтаиме несколько дней, а в качестве компенсации за еду и жильё делал Евсюковым бесплатные фотографии.

В голодные годы 1932-1934 гг. хлеб в Салтаиме пекли из жмыха [51], который привозили на ферму для подкормки животных. Его толкли, добавляли лебеду, крапиву и делали из него булки, которые пекли в русской печи. Чтобы дети лучше ели эти булки, в них примешивали морошку, которая росла в ряму [52]. Но обычно дети съедали морошку, а хлеб есть отказывались.

Жизнеописание Евсюкова Павла Лаврентьевича

Мой дедушка Иван Павлович Евсюков – младший из выживших детей, родился, когда его отцу Павлу Лаврентьевичу [53] было уже 52 г., а тот в свою очередь, когда его отцу Лаврентию Карповичу (к тому времени вернувшемуся со службы) исполнилось 40 л., то есть мой прадед был старше своего внука на 92 года! Неудивительно, что мой дедушка никогда его не видел... Поэтому никаких подробностей жизни Лаврентия Карповича от родственников мне разузнать не удалось, вспомнили только, что у его жены в деревне было прозвище Ведьма [54], а прожила она до 90 лет. Зато про Павла Лаврентьевича сохранилось множество воспоминаний.

Родился **Павел Лаврентьевич Евсюков** в 1875 г. в с. Огибном. На момент переселения в Салтаим летом 1887 г. ему было около 12 лет [55]. В середине 90-х гг. XIX в. [56] его призвали на военную службу. Вернувшись, он завел хозяйство и 23 октября 1902 г. женился на Ульяне Антоновне Ряшиной, семья которой переселилась в Салтаим из Корочанского у., Курской губ.

Невысокого роста (около 165 см), глаза голубые. Грамотный. Не курил.

В 1904 г., когда у Павла Лаврентьевича уже был ребёнок (дочь Анна родилась 30.01.1904 г.), его призвали на русско-японскую войну. Он воевал рядовым 5-го Иркутского Сибирского пехотного полка, имел несколько наград [57]. Вот как он рассказывал, за что получил одну из наград. Русские войска отступали после одного из боёв. Шли, шли, и вдруг появились японцы. Павел Лаврентьевич сообразил и закричал: «Конница справа!» Командиры отдали соответствующие команды: «Пли!» – и конницу отогнали, а за находчивость Павла Лаврентьевича наградили.

Во время войны к ним в полк приезжали разные комиссии и бесплатно раздавали книжки. В современном понимании – что-то вроде гуманитарной помощи. Выстраивалась очередь, каждый из солдат подходил к столу, за которым сидела комиссия, ему давали книжку, он прочитывал несколько строк или слов, чтобы показать, что умеет читать, и получал эту книжку. Павел Лаврентьевич трижды становился в очередь: один раз в обычной форме, второй раз, сняв головной убор,

Евсюков Павел Лаврентьевич.
Нач. 30-х гг. XX в.

Евсюкова (Ряшина)
Ульяна Антоновна. 1941 г.

а в третий – сняв рубашку. Таким образом он получил три книжки, одна из которых «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого. Так он любил читать [58].

18 июля 1904 г. во время боя на Кангуалинском перевале Павел Лаврентьевич был ранен [59] и попал в госпиталь. В госпитале ему вручили крест (возможно, и другие награды). Причём, когда офицер награждал его, Павел Лаврентьевич его буквально обругал, сказав: «На что мне ваши ордена, вы мне руку верните!» Врач из государевой свиты говорил про Павла Лаврентьевича, что этот солдат руку все время держит вверх, и когда его спросили, почему он так делает, Павел ответил: «Если бы вам засадили такую занозу, то вы бы и ноги задрали». Такая сильная боль была в руке. После войны правая рука почти не работала: плечо было раздроблено. Ложку он держал левой рукой. Левый глаз стал косить. В деревне его так и прозвали – Паша-косой.

Приведем описание боев из фронтовых сводок того времени. «Сего 18 июля три японские армии возобновили наступательные действия на южном фронте. Арьергарды упорно оборонялись, пока противник не проявил значительно превосходных сил, и постепенно отходили затем по направлению к Хайчену. Отряд у Симучена, по сведениям до 3 часов пополудни, с успехом удерживал наступление противника, направленное на правый фланг его расположения у Кангуалина, и нанёс японцам большие потери. Главный удар дагушанской армии генерала Оку сего числа направлялся в разрез между Симученской и Хайченской группами, с линии Яншугоу-Дапудзы-Лаоханьцзя. ...По донесениям из Симучена от 6 час. 45 мин. вечера 18-го числа в расположении этого отряда бой прекратился и все позиции нами сохранены, но о действиях на крайнем правом фланге донесений еще не поступало» [60].

«18 июля неприятель произвёл наступление в направлении на Лаоханьцзя, в трёх вёрстах к юго-западу от Кангуалина. Для обеспечения наступления на высоты к востоку от Утуншугоу были направлены две неприятельские горные батареи, но огнём нашей батареи с правого фланга Кангуалинской позиции одна японская батарея после первых же выстрелов была вынуждена сняться с позиции, другая же под нашим огнем выехать на позицию не могла. Пехота противника, наступавшая на Лаоханьцзя значительными силами, была остановлена огнем наших батарей и шестью ротами, занимавшими горный массив южнее Лаоханьцзя. У нас убиты 2 офицера и ранен 1, нижних чинов убито и ранено 20» [61].

После войны Павел Лаврентьевич вернулся в Салтаим, где родились его остальные дети. Он никогда не бил и даже не ругал детей за их проказы. Стоило только посмотреть на шалуна, как у того начиналась дрожь в коленях и бессловная клятва никогда этого не делать. До 1922 г. ему и двум его детям платили царскую пенсию как инвалиду русско-японской войны. Потом пенсионные книжки забрали под предлогом проверки, а позже царские пенсии и вовсе отменили.

После революции Павел вступил в колхоз. Грамотных в округе было мало, и он некоторое время работал писарем (секретарём) Крутинского райисполкома, но недолго, потому что ездить до Крутинки, которая находилась в 20 км от Салтаима, нужно было на лошади, и она целый день стояла там на привязи без еды и воды.

В 1926 г. в Салтаиме построили школу, где начали учиться и дети Евсюковых. Первой пошла учиться Елена. Семеро старших учились грамоте самоучкой либо так и остались неграмотными. Сам Павел

Евсюковы Павел Лаврентьевич, Ульяна Антоновна и их сын Иван. Прибл. 1936-1938 гг.

Евсюковы Кирилл, Полина, Александра, Иван. Салтаим. Ок. 1936 г.

Евсюковы Полина, Кирилл, Василий, Иван, Елена. Прибл. 1948 г.

Лаврентьевич говорил про своё образование, что у него два класса церковно-приходской школы. Однако читать и писать Павел Лаврентьевич умел, что в Салтаиме было в то время редкостью. Выписывал газеты «Правда» и «Омская правда». Его брат Андрей Лаврентьевич работал почтальоном и всякий раз, идя с почты домой, заходил к Евсюковым, поэтому новости из газет они узнавали на день раньше остальных жителей не только деревни, но и всей страны. Газеты, которые должны были выйти завтра, печатали и привозили на почту сегодня – вот в чём заключался секрет.

Павел Лаврентьевич был середняком. В хозяйстве у Евсюковых имелась корова, 5-7 овец, до 10 кур, свинья и поросята, а также собака по кличке Лебедь. Так было в лучшие времена. В начале 30-х гг. начался голод, весь скот перерезали, корову кто-то увел, и ничего в хозяйстве не осталось...

У Павла Лаврентьевича был магазин. Туда со станции [62] завозили водку, махорку, спички, сахар, конфеты [63], а он всё это продавал. Имевшийся в хозяйстве амбар (размером пять на пять метров и около четырех метров высотой) почти полностью был заставлен ящиками с водкой. В соседних деревнях такого магазина не было, поэтому люди специально приезжали за этими продуктами в Салтаим. Бывало, играют где-то в округе свадьбу, а за водкой в Салтаим едут. Этот амбар называли «Аккорт», а работал он и днём, и ночью, так как люди из других деревень обычно приезжали ночью: лошадей, как правило, можно было нанять только на ночь, днём же они были заняты в поле и на других работах.

Время от времени в магазин к Павлу Лаврентьевичу приезжали контролеры. Они проверяли содержание спирта в водке. В один из их приездов крепость водки оказалась ниже нормы, и всю партию этой водки забраковали и отправили обратно на станцию. То есть еще до 40-х гг. за качеством водки строго следили [64].

Дом у Евсюковых был рубленый, с тесовой [65] крышей. В Салтаиме, наверное, это был единственный дом с такой крышей, не считая с/с и школы, остальные дома были крыты соломой. Дом состоял из сеней, кухни и горницы. В кухне стояла русская печь, две лавки: одна – чтобы сидеть, а другая повыше, типа стола, – чтобы ставить посуду и хлеб после выпечки, который доставали из печи. Печь была примерно на метр ниже потолка, так, что на ней можно было сидеть, а маленьким детям даже ходить. Сбоку на стенке печи имелось три горизонтальные доски, за которые можно было цепляться, чтобы залезть на неё. На русской печи всегда – и летом, и зимой – на потнике [66] спал Павел Лаврентьевич. Рядом с печью на расстоянии примерно в 60 см от потолка были сооружены полати [67] размером около 2х2 м. На них тоже можно было спать. На стене над дверью висели плетёнки лука. В горнице стояла кровать, на которой обычно спали 2-3 человека. Одно время на ней спали Ульяна Антоновна с младшими детьми Иваном и Александрой. Остальным детям приходилось размещаться на полу на тулупах и подушках. Здесь же, в горнице, была ещё одна печка, круглая кирпичная, обтянутая листовым железом. Диаметр она была примерно 1 м 20 см, а по высоте сантиметров 30 не доставала до потолка. Один раз печка засорилась, и Павел Лаврентьевич, чтобы прочистить её, в двух местах вырезал железо, отогнул его, вытащил кирпичи и вычистил золу. Видать, запомнил, когда печь клали, где проходит дымоход. В семье хранились «поминальники» – небольшие тетрадки по 10-20 листов, в которые

Анна Павловна Никитина (Евсюкова)

Мария Павловна Сморакова (Евсюкова)

записывали даты рождения детей и даты их смерти, даты праздников и других знаменательных событий. Лежали поминальники на божнице [68] за или под иконой.

Во дворе стояли пара сараев, амбар (где хранилась водка), сеновал и баня «по-чёрному» [69]. В одном из сараев – том, что под навесом, одно время жила свинья, в другом держали корову. Под навес складывали картошку и другие продукты, чтобы укрыть их от дождя. Баня состояла из одной комнаты размером 4 на 4 м и считалась по деревенским меркам большой. Многие соседи приходили к Евсюковым помыться. В бане стояла печь без дымохода, поэтому весь дым шёл в баню, от чего все стены и потолок были чёрными. Вот почему баня называлась «по-чёрному». После того как дрова в печи прогорали, а дым выветривался, можно было поддать воды и мыться. Рядом с домом имелся колодец с журавлём [70], но потом он прогнулся, и вода из него стала годна только для поливки. За питьевой водой ходили к соседям (50-80 м): у них колодец был чистый, и многие жители деревни им пользовались. Вода в колодцах была «жесткая». Для стирки делали щёлок [71], засыпая в воду золу, после чего она становилась «мягкой».

Павел Лаврентьевич один или с кем-нибудь из детей ездил в рям в 4-5 км от деревни. Это было болотистое, кочковатое место, где водились змеи. В рямю рос тальник [72] диаметром около 5, иногда до 10 см. Павел Лаврентьевич сдирали с тальника кору, вязали в вязанки (длиной сантиметров 80 и толщиной 20-30 см), сушил, а потом отправлял на станцию, откуда их увозили на завод, где вырабатывали из этого материала дубильные вещества для дубления кожи. Иногда Павел Лаврентьевич от РайПО заготавливал и солил в бочках грибы, принимая их от деревенских жителей, потом увозил их в Крутинку.

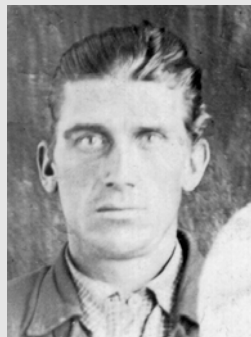
Однажды Павел Лаврентьевич поехал в гости к своей дочери Ефросинье, которая жила в то время с мужем на Алтае в с. Кислуха [73]. Там ему очень понравилось: Кислуха и к городу ближе была, и улиц было четыре или пять, а не одна, как в Салтаиме, да и дома более компактно располагались. Когда он вернулся в Салтаим, рассказывал, что там нет никакой власти, вольности больше, частушки поют, да и южнее, а значит и теплее должно быть. В январе 1940 г. Павел Лаврентьевич с женой и детьми Иваном и Александрой переехал в Кислуху.

В Кислухе Павел Лаврентьевич устроился работать на лесопилку при шпальном заводе. Лес с лесопилки возили на машинах в Повалиху, но поскольку дорожного покрытия тогда не было, то для того чтобы машина прошла, перед ней прямо в колеи укладывали шпалы. Павлу Лаврентьевичу приходилось носить эти шпалы. Это была очень тяжелая работа, к тому же одна рука у него не работала. Однажды во время работы он сильно вспотел, потом выпил холодной воды и простудился, а поскольку в то время болезни не лечили, получил воспаление легких и спустя несколько дней в начале марта (6 или 7 числа) 1940 г. умер. Похоронили его на кладбище с. Кислуха.

Дом Павла Лаврентьевича в Салтаиме после отъезда Евсюковых перестроили, обрезав угловые концы, и он стал намного меньше.

Евсюкова (Ряшина) Ульяна Антоновна

Ульяна Антоновна родилась приблизительно в 1885-1886 г. в хут. Плющин (Плющины) [74], Радьковской вол., Корочанского у., Курской губ. Невысокого роста (около 165 см), глаза голубые. В деревне Ульяну

Фёдор Павлович Евсюков. 1939 г.

Татьяна Павловна Федосеева
(Евсюкова)

Александра Павловна Никулина
(Евсюкова). 1946 г.

звали Пáшиха (по имени мужа). Ульяна не умела ни писать, ни читать; только под конец жизни сын Иван научил её писать печатными буквами свою фамилию ЕВСЮКОВА.

Судя по документам, первоначально Ряшины направлялись на переселение несколько дальше Евсюковых – в соседнюю Атрачинскую вол. Так, в списках переселенческих участков, находившихся на территории Тобольской губ. в июне 1887 г., находим отметки о проходе пяти семей из хут. Плющины (среди которых были и Ряшины), причем в одном из них местом назначения записано «в деревню Отрачью». В Тюкалинском у. на последнем участке пути маршрут семьи Ряшиных пересекался с путем Евсюковых. Так, если Новую заимку Ряшины прошли на день позже Евсюковых, то уже в Камышенском они нагнали Евсюковых. Отец Ульяны Антон Дмитриевич вместе со своими земляками из Плющии отметились в нем 09.06.1887 – в одну и ту же дату с Лаврентием Карповичем Евсюковым [75]. Возможно, это как-то повлияло на тот факт, что поселились они все-таки в Салтаиме. Ульяне было в то время около года. Вскоре после заселения в Салтаим 22 сентября 1887 г. у Ряшиных родились близнецы Иоанн и Сергей, но они умерли уже через неделю... Через два года в декабре 1889 г. семья Ряшиных состояла из 6 человек (2 мужчин и 4 женщины), жили в избе, занимались хлебопашеством, в хозяйстве было 2 лошади, 2 коровы и 5 голов мелкого скота [76].

В Салтаиме Ульяна вышла замуж за Павла Лаврентьевича Евсюкова. Согласно МК на момент свадьбы в октябре 1902 г. Павлу было 28 л., Ульяне 17 л. В качестве поручителей при венчании присутствовали их родственники: по жениху – Иоан Антонович Ряшин (брат Ульяны) и Андрей Лаврентьевич Евсюков (брат Лаврентия), а по невесте: Дмитрий Карпович Евсюков (дядя Лаврентия), а также земляк Ряшиных из Курской губ. Дмитрий Денисов [77].

После революции Ульяна работала дояркой в колхозе. Хорошо, что ферма была прямо за огородами: ей требовалось немного времени, чтобы добраться до работы. Особенно тяжело было работать зимой: часто болели руки, так как приходилось мочить их в холодной воде [78]. Дома тоже была корова, но она давала всего литра три молока утром и литра три вечером. Молоко ходили сдавать на молоканку [79], где среди прочего у молока измеряли жирность, которая у коровы Евсюковых

1-й ряд: Кирилл Павлович Евсюков, Анна Павловна Никитина (Евсюкова), Татьяна Павловна Федосеева (Евсюкова), Егор Иванович Тарасов (муж Пелагеи – сестры Ульяны Антоновны Евсюковой); 2-й ряд: Ида – жена Леонида Владимировича Никитина, Валентина Владимировна Никитина, Анатолий Михайлович Ковешников, Елена Павловна Ковешникова (Евсюкова), Александра Павловна Никулина (Евсюкова); 3-й ряд: Леонид Владимирович Никитин, Геннадий Владимирович Никитин, Владимир Петрович Федосеев, Иван Сергеевич Смороков, Василий Прокопьевич Хвостов

составляла 4,4. В течение нескольких дней после отёла корова давала очень густое молоко (молозиво), оно было такое густое, что его можно было поджаривать на сковородке, как яичницу.

Ульяна Антоновна делала прошивки [80]. Для этого пригодился крест, которым Павла Лаврентьевича наградили на русско-японской войне. Она раскатывала одну лепешку, продавливала её крестом (а возможно, клала что-то и внутрь) и сверху накрывала другой лепешкой.

Ткала холсты на ткацком станке, который имелся в доме. Ткала она следующим образом: нажимала на одну педаль – одна ремизка [81] поднималась, другая опускалась, после этого она пробрасывала челнок [82] с нитками, прижимала нить бёрдой [83], на которой были очень частые зубья, так что ткань получалась очень плотной. Холсты выходили шириной 100-120 см, а длиной – около 20 м. Иван с Александрой брали эти холсты и относили на оз. Киргицкое за фермой, бросали их в воду, а когда вымокнут – вытаскивали и сушили на траве на солнце, затем ещё раз в воду и опять сушить, и так раз десять как минимум. Это называлось «отбеливание»: после этой процедуры полотно становилось белым-белым. Из полотна Ульяна Антоновна шила рубахи, наволочки и т.п. Ткали в то время из конопли и льна, нити из которых делали сами: после уборки растения мочили, высушивали, мяли, трепали, затем чесали и пряли из них пряжу.

Ульяна Антоновна родила 15 детей, из которых выжило 12. 31 декабря 1946 г. она была награждена дипломом «Матери-героини», который ей прислали по почте в 1947 г. Имела также орден «Золотая Звезда».

В 1940 г. после смерти мужа Ульяна Антоновна с двумя детьми (Александрой и Иваном) переехали к Щепёткиным (дочери Елене с мужем), которые к тому времени перебрались в Малокривощёково (ныне микрорайон Новосибирска) из Благовещенска. Затем примерно в 1953 г. Ульяна Антоновна уехала в гости к сыну Василию в станицу Камышеватскую, Ейского р-на, Краснодарского края, где прожила полгода-год, после чего в 1954 г. умерла. Похоронена в станице Камышеватской.

Дети Ульяны Антоновны и Павла Лаврентьевича

Всего у Ульяны Антоновны и Павла Лаврентьевича родилось 15 детей, из которых 12 выжили (Анна, Василий, Мария, Фёдор, Ефро-

Семья крестьян-переселенцев на станции Омск. Нач. XX в.

синья, близнецы Татьяна и Ксения, Елена, Полина, Кирилл, Александра и Иван). В младенчестве умерли сыновья Степан (родился в декабре 1916 г., прожил немногим более восьми месяцев) и Петр (родился в июле 1918 г., прожил менее пяти месяцев). Последней родилась Дарья в 1929-м или 1930 г., которая прожила полтора-два года [84].

Анна, 30.01.1904 – 5.04.1975. Не училась, не работала. Жила в Салтаиме. Вышла замуж за Владимира Наумовича Никитина (1902-1943). Родила троих детей: Леонид (1930), Валентина (1933), Геннадий (1936). После смерти мужа переехала с детьми в Малокривощёково. Занималась огородом.

Василий, 01.01.1906 – 1962. Ростом около 170 см. Уважаемый в семье, очень сильный. В школе не учился, так как её построили только в 1926 г. Несколько зим учился у попа, который приходил в Салтаим и занимался с 4-5 самыми талантливыми детьми деревни. Закончив учёбу, получил справку об окончании 4 классов. Военную службу проходил в Благовещенске, где после этого поступил на рабфак, а затем в пединститут. После института уехал работать учителем в Комсомольск-на-Амуре, откуда его взяли на фронт. После войны жил в ст. Камышеватской у Азовского моря. Работал учителем в школе, инспектором РАЙОНО. Был дважды женат, первая жена – Мария Ефремовна, вторая (после войны) – Елена Васильевна (1915–1988). Имел троих детей: Зинаида (1927), Андрей (1929), Татьяна (1947) и одного приёмного сына от второй жены.

Мария, 27.05.1907 – 1961. Рост около 165 см. Неграмотная, работала в колхозе. Вышла замуж за Сергея Никаноровича Сморокова (1906 г.р.) После свадьбы уехала в с. Дарвино, Омской обл., где также работала в колхозе. Прожила там до самой смерти. Родила троих детей: Николай (1928), Александр (1929), Иван (1930). Когда поехала в гости к брату Василию в Ейский р-н, в поезде ей стало плохо, в Воронеже ее сняли с поезда, там она умерла и похоронена.

Фёдор, 12.02.1909 – 1943. Рост около 170 см. Малограмотный. Работал в колхозе на лошадях, затем ушёл на войну. С фронта его друг прислал письмо, в котором написал, что Евсюков Фёдор погиб при взятии одной деревни на Украине. На запросы родственников ничего не ответили. Был женат дважды, первая жена Анна Башкатова, вторая – Анна Афанасьевна Железнова. Имел двоих детей: Виталий (1937–1961), Геннадий (1939–2000).

Ефросинья (Фрося), 19.01.1911 – 1949. Рост около 165 см. В Салтаиме не училась, кроме нескольких месяцев в вечерней школе. Закончила в Крутинке курсы каменщиков, после которых её отправили в Кузнецк строить доменные печи. В Кузнецке вышла замуж за Владимира Егоровича Числова (1913 г.р.) и через некоторое время переехала с мужем в Кислуху. В Кислухе занималась детьми, которых у неё было пятеро: Тамара (1935), Вениамин, Анатолий (1937–2000), близнецы Михаил и Александр (1946). Умерла в Кислухе.

Татьяна, 11.01.1913 – 9.06.1997. Рост около 165 см. Училась в вечерней школе, малограмотная. Ходила по деревне, чесала шерсть. После женитьбы (муж Петр Иванович Федосеев 1908–1968) уехала в с. Дарвино. Из Дарвино через Кислуху (в которой прожила 2 месяца в 1940 г.) переехала в с. Иннокентьевка, Архаринского р-на, Амурской обл., затем снова в Дарвино, а потом уже с пятью детьми в Малокривощёково. В Малокривощёково занималась огородом, детьми, выращивала цветы. Принимала участие в выставках цветов в Нарымском сквере, часто получая призы. Дети: Валентина (1929 – 2018), Владимир (1934 – 2013), Тамара (1937), Татьяна (1940 – 2008), Людмила (1945).

Ксения (Аксинья), 11.01.1913 – умерла во время войны. Рост около 160 см. Ходила в вечернюю школу, малограмотная. Работала в колхозе. Вышла замуж за Григория Никаноровича Писклова. Родила двоих детей: Анатолий (1936–1984), Октябриня (1937–1970). До самой смерти прожила в Салтаиме.

Елена, 30.04.1915 – 1989. Рост около 155 см. В Салтаиме окончила четыре класса, в Крутинке – ещё два. После окончания 6-го класса уехала с братом Василием в Благовещенск, где училась на рабфаке. Там же поступила в пединститут, потом переехала с мужем (Дмитрий Яковлевич Щепёткин) во Владивосток, затем в Малокривощёково. В Малокривощёково работала учителем математики в школе. Вышла замуж во второй раз за Анатолия Михайловича Ковешникова (1918–1969). Впоследствии переехала в Академгородок. Родила двоих детей: от первого брака Леонид (1938–2001), от второго Вера (1947).

Полина, 14.10.1920 – 08.04.2012. Рост около 160 см. Окончила 4 класса в Салтаиме, потом семилетку в Крутинке, после чего поступила в молочно-товарный техникум в с. Алтайском, Алтайского края (за Бийском). Проучилась в техникуме 2 года и перевелась в Томский учительский институт. После окончания института 2 года работала учителем в Таштаголе. Впоследствии переехала в Новосибирск, где также работала учителем биологии и химии, затем завучем, директором. Несколько раз была начальником пионерлагерей. Побывала в 14 европейских городах. Была замужем за Константином Андреевичем Кузнецовым (р. в 1916), имела дочь Нину (1942–2002).

Кирилл, 25.01.1922 – 16.06.2004. Рост около 175 см. После окончания 7 классов Салтаимской школы поступил в молочно-товарный техникум в селе Алтайском Алтайского края, где проучился 3 года. В декабре 1940-го поступил в Канское авиационное училище, где проучился 1 год 8 месяцев. По состоянию здоровья в лётчики не прошёл и ушёл на фронт рядовым. Воевал под Сталинградом на Мамаевом кургане. Был ранен (5 осколков мины, один из которых до конца жизни был в легки). После лечения в госпитале г. Красноярска в мае 1943-го поступил в Омское танковое училище. В августе 1943-го – снова на фронте. В октябре около Великих Лук его танк подбили; горел в танке. Ампутировали руку, потом в Хабаровске сделали операцию: пересадили кожу на руку с живота. Из Хабаровска поехал в Иннокентьевку, зиму пробыл там, затем – в Малокривощёково, где стал преподавать в школе географию. Поступил в Новосибирский пединститут, окончил его за 3 года, после чего также работал преподавателем географии в двух школах. Боролся с бюрократией. Награждён 19 правительственными наградами, из них 3 ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды, орден Славы и медали.

Александра, 10.07.1924 – 11.09.1983. Рост около 165 см. Не закончив 6 классов в Салтаиме, переехала с родителями в Кислуху, а после смерти отца уехала с сестрой Полиной в Таштагол, вскоре заболела туберкулезом менингитом, и Полина привезла её обратно в Новосибирск. Впоследствии работала на ст. Алтайская на камвольной фабрике, где шили рабочую одежду. Затем жила в Джеккагане, потом снова вернулась в Новосибирск. Была замужем дважды, первый муж Василий Алексеевич Никулин (1923), второй муж Василий Прокопьевич Хвостов (1923–1969) Родила двоих детей: Александр (1947), Нина (1953).

Иван, 6.07.1927 – 04.05.2003. Рост 171 см. В Салтаиме проучился в школе неполные пять лет, после чего переехал с родителями в с. Кислуху, где закончил 5-й класс (в Повалихе). После смерти отца переехал с матерью в Малокривощёково, где закончил 7-летнюю школу, после чего поступил в Инский техникум железнодорожного транспорта. После техникума работал техником, старшим техником, инженером в проектом институте, ездил в изыскательские экспедиции. В 1954–57 гг. учился в НИИЖТе. Затем работал в Новосибирске в проектных институтах и трестах инженером, начальником изыскательской партии, главным специалистом, руководителем проектной группы, главным инженером проектов. Был женат на Антонине Федотовне Булдаковой (1928–2000), имел двоих детей: Владимир (1952–1994), Евгений (1955).

Вместо заключения...

Надеюсь, что мой скромный труд станет важной страницей в семейной летописи потомков Лаврентия Карповича и Ульяны Антоновны Евсюковых, которых из ныне живущих насчитывается около 100 человек. Но работа продолжается, поэтому буду благодарен за любые уточнения и дополнения – присылайте мне свои материалы по электронной почте. И, пожалуйста, сохраняйте и берегите память о своих предках. Ведь наш род – это наша защита и опора. Без знания своего происхождения человек может чувствовать себя потерянным в этом мире, не находить себе места, и, напротив, чувство связи, соединенности со своими корнями помогает нам тверже стоять на земле.

Я выражаю искреннюю благодарность автору проекта Ю.Н. Ефремовой за возможность изложить мою историю на этих страницах, а также всем, благодаря кому это издание стало возможным.

Примечания:

1. Письмо ГИАОО от 16.01.2000 № 01-38/599.
2. Письма ГАТО в г. Тобольске от 27.09.2000 № 236, от 17.11.2000 № 273, от 04.06.2001 № 149.
3. Дети боярские – категория служилых людей, сословие, существовавшее на Руси в конце XIV – начале XVIII в., представители которого несли обязательную службу, получали за нее в пользование поместья, с которых и жили. Верстание – (в рассм. период) определение на государственную службу, причисление к определенному разряду служилых людей в Московском государстве. Поместье – (в рассм. период) земельное владение, пожалованное за службу без права продажи по наследству (в противоположность вотчине) [СРЯ].
4. Миклашевский И.Н. К истории хозяйственно-го быта Московского государства. Часть I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в. – М., 1894. – С. 111.
5. Жеребей – земельный участок, надел, пай, доставшийся по жребию. [СРНГ, СД]
6. Четверик – старая русская мера объема сыпучих тел и единица площади, равнялась 1/8 четверти. Четверть (четы) – мера площади пахотных земель в старинной русской системе мер. 40 саженой длины и 30 саженой ширины. Составляла около 0,5 десятины (или 0,55 га) в одном поле или 1,5 десятины в трех полях (при трехпольной системе, которую в документах характеризует устоявшееся выражение «N чети в поле, а в дву – потому ж») [см. СД]. Также использовалась в качестве единицы поместного оклада служилых людей (обычно под названием «четы»).
7. Дубрава, дубрoва – лиственный лес, выросший на выпаханной и заброшенной рощице; лес из деревьев одной породы, особенно лиственный [СРЯ]. Дикий – находящийся в первозданном состоянии, некультивируемый (о природе) [СРЯ]. Дикое поле – (в рассм. период) неводеланная, необработанная земля, целина; свободная, незанятая земля.
8. Т.е. 1/8 сохи или 100 четей. Соха – единица податного обложения на Руси с XIII по XVII в. В Оскольском уезде «добрая» соха для служилых (поместных, вотчинных) земель равнялась 800 четвертям.
9. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 342. Лл. 224 об. – 225.
10. Колодезь – источник, ключ, родник [СРЯ].
11. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 343. Лл. 539 об. – 540.
12. Евсюков Д.Е. С. Огибное Чернянского р-на: история основания и первые десятилетия // От Донца до Ворсклы: сборник статей по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород: КОНСТАНТА, 2016. – С. 106-117.
13. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4174.
14. Государственный архив Курской обл. (далее: ГАКО). Ф. 184. Оп. 2. Д. 287.
15. Одинодворец – при крепостном праве в России – лицо, происходившее от потомков служилых людей, владевшее небольшим земельным участком на правах служилого поместья (обычно на один двор),

- пользовавшееся правом владеть крестьянами (до 1840 г.), но облагавшееся (с XVIII в.) подушной податью; впоследствии одинодворцы вошли в состав государственных крестьян.
16. Государственный архив Белгородской обл. (далее: ГАБО). Ф. 26. Оп. 15. Д. 1. Л. 176 – 176 об.
17. ГАБО. Ф. 26. Оп. 15. Д. 1. Л. 217. Лаврентий Карпович был старшим среди братьев (в 1880 г. ему исполнилось 45 л.), но поскольку в 1855 г. его выбрали рекрутом [ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 1034. Л. 119 об.], то землю он получил уже после возвращения со службы.
18. Сборник статистических сведений по Курской губ. Отдел хозяйственной статистики. Выпуск XI. Статистические сведения по Новооскольскому у. Курск, 1886. – С. 21.
19. Серповский Н.Г. Переселения в России в древнее и новое время и их значение в хозяйстве страны: Исслед. Н. Серповского– Ярославль, 1885. – С. 58–59.
20. Например: Справочная книжка о переселении за Урал с картой. Сведения, необходимые каждому хозяину, задумавшему переселение в Сибирь, и каждому ходоку. – СПб., 1907. – 120 с.; Описание Тобольского переселенческого р-на: справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1911 г. – СПб., 1911. – 21 с.
21. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 2641. Л. 1 – 10 об.
22. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 2598. Л. 51 – 52 об.
23. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 3646. Л. 41 – 44.
24. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 4564. Л. 1 – 11.
25. Объединенный государственный архив Челябинской обл. (далее: ОГАЧО). Ф. И13. Оп. 1. Д. 109. Л. 22. Д. 96. Л. 13. Д. 105. Л. 5. Д. 107. Л. 27 – 27 об.
26. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 4564. Л. 12 – 14 об.; ОГАЧО. Ф. И13. Оп. 1. Д. 121. Л. 26 – 30 об.
27. Серповский Н.Г. Указ. соч. – С. 110–111.
28. Успенский Г.И. Поездки к переселенцам. 1. От Казани до Томска и обратно. 1888 г. / Сочинения Глеба Успенского. Том третий. СПб., 1891.
29. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 3458; ОГАЧО. Ф. И13. Оп. 1. Д. 98, 107.
30. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 4564. Л. 3 об. – 5; ОГАЧО. Ф. И13. Оп. 1. Д. 96. Л. 13, 14 об.
31. ОГАЧО. Ф. И13. Оп. 1. Д. 121. Л. 182.
32. ГАТО в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3044. Л. 31-31об., 51-51об.
33. Истомина Н.К. Сибирь и переселенцы. – Харьков, 1892. – С. 28–29.
34. По-видимому, это был кто-то из тех семи семей из д. Захаровой и с. Огибного (Захаровы, Евдокимовы, Башкатовы), о которых шла речь выше.
35. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губ. за 15 л. (с конца 70-х гг. по 1893 г.) – Т. 2. – М., 1897. – С. 325.
36. Сибирская газета. № 42 – 05.06.1888. – С. 8.
37. Там же. № 6 – 21.01.1888. – С. 9.
38. Там же. № 32 – 01.05.1888. – С. 10.

39. ОГАЧО. Ф. И13. Оп. 1. Д. 121. Л. 179–185.
40. Грива – продолговатая, полая возвышенность [СРГ НСО].
41. Материалы для изучения быта... – С. 326–329.
42. ГАТО в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3044.
- Л. 118. Переписные листы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Тобольской губ., д. Салтаим.
43. Список населенных мест Тобольской губ. Составлен по сведениям на 15 июля 1909 г., полученным от уездных исправников и волостных правлений. – Тобольск, 1912. – С. 438–439.
44. Голобушин И. Справочная книга Омской епархии – Омск, 1914. – С. 556.
45. Список населенных мест Сибирского края. Том первый. Округа Юго-Западной Сибири. – Новосибирск, 1928. – С. 146–147.
46. Увал – удлиненная возвышенность с плоской вершиной и пологими склонами, высотой до 200 м [РЭС]. Крутой склон, откос на земной поверхности, косогор [ТСУ].
47. Ляга – болотистое место, топкое место; болото [СРНГ].
48. Шаровки – старинная русская подвижная игра.
49. Чикота – название детской игры [СРГ НСО], то же, что игра в чижа или чижа.
50. Копыта использовались на мыловарне, а хвосты – в производстве щёток.
51. Жмых – семена масличных растений после выделения из них жира прессованием; побочный продукт маслобойного производства. Концентрированный корм для сельскохозяйственных животных; один из компонентов комбикормов [РЭС].
52. Рям, рямок – густой, труднопроходимый, заболоченный лес или торфяное болото, заросшее сосняком, багульниковом и мхом [СРГ НСО].
53. Здесь и далее (кроме соответствующих ссылок на источники) записано со слов Ивана Павловича Евсюкова, а также по воспоминаниям его брата Кирилла, сестры Полины и их двоюродной сестры Раисы Андреевны Евсюковой. Новосибирск, 2000–2002 г.
54. В Салтаиме тогда у каждого жителя были клички или прозвища: Ветер, Мороз, Царь и т.п. Что касается жены Лаврентия, то установить, кто именно носил прозвище Ведьма, пока не удалось: в 10-й ревизии 1858 г. у Лаврентия записана жена Матрена Терентьевна 28 л. [ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 1034. Л. 120], в посемейном списке 1887 г. – Аксинья Дмитриевна 35 л. [Ф. 68. Оп. 2. Д. 4564. Л. 4 об.], а в переписи 1897 г. жены у Лаврентия не значится.
55. При этом в посемейном списке на 01.01.1887 [ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 4564. Л. 4 об.] Павел показан 15 л., но в переписи 1897 г. [ГАТО в Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3044. Л. 31] 22 л. По воспоминаниям детей, он говорил, что родился в один год с М.И. Калининым, поэтому возраст, указанный в переписи 1897 г., можно считать наиболее достоверным.
56. По существовавшим в то время правилам, военную службу он должен был проходить приблизительно с 1896-го по 1900 г. По материалам переписи 1897 г. Павел Лаврентьевич как раз был на службе.
57. Всего у Павла Лаврентьевича по воспоминаниям его детей был 1 (возможно, 2) Георгиевский крест и 2 медали. Одна из медалей называлась «За поход в Китай», другая медаль в память о русско-японской войне, на её обороте была надпись «Да вознесёт вас господь в своё время». По словам его сына Кирилла Павловича, крест (а может, и все награды) положили в могилу во время похорон.
58. По данным переписи 1897 г., когда Павлу Лаврентьевичу было 22 г., он был единственным грамотным среди своих братьев и сестёр. В переписных листах в графе «грамотность» записано «самоучка», тогда как про его отца Лаврентия Карповича, сказано, что он обучался грамоте «в полку».
59. Список раненых, опубликованный в Приложении к № 20 газеты «Русский инвалид» за 1904 г.
60. Русский инвалид № 158. – 20.07.1904. – С. 2.
61. Русский инвалид № 159. – 21.07.1904. – С. 2.
62. Ближайшая станция Называевская находилась в 80 км от Салтаима.
63. Сахар в то время был в виде «сахарной головы» (усеченный конус с отверстием посередине, весом 2–3 кг). Сахарную голову кололи, ударяя вдоль куска, а расколов пополам, отламывали уже маленькие кусочки, например, для чая. Назывался «сахар колотый». 1 кг сахара стоил 7 руб. 40 коп. 1 кг конфет горошка (красные, синие, диаметром до 1 см) стоил 1 руб.
64. Бутылка водки емкостью 0,75 л стоила 7 руб. 40 коп., а пол-литровая – 6 рублей, если же в ней была пробка, то 6 руб. 05 коп., потому как пробку, если она не повредила при открытии бутылки, можно было сдать в магазине за 5 копеек. Мужики натренировались: порутят-покрутят бутылку между ладоней, хлоп по донышку – пробка и вылетает. Пустая бутылка стоила 40 копеек.
65. Тёс – тонкие доски из древесины хвойных пород [РЭС].
66. Потник – войлок, употребляемый вместо матраца [СРГ НСО]. Обычное значение: войлок, подкладываемый под седло [НСРЯ].
67. Полати – широкие нары, располагавшиеся в избах под потолком между печью и противоположной ей стеной, на которых спали [НСРЯ].
68. Поминальник, помянник – синодик, поминальная книжка [СД]. Божница – полка в переднем углу, на которой стояли иконы [СРГ НСО]. У Евсюковых божница располагалась сантиметрах в 40–50 от потолка.
69. «По-чёрному», «по-курному» – так говорили об отоплении бани, избы и т.п. печью или очагом без трубы [НСРЯ].
70. Журавль – длинный шест, служащий рычагом при подёме воды из колодца [НСРЯ].

71. Щёлок – настой древесной золы или раствор поташа, соды, некоторых едких щелочей, применяющийся при стирке белья, мытья полов и т.п. [НСРЯ]

72. Тальник – кустарниковая ива [НСРЯ].

73. Повалихинский р-н Алтайского края.

74. В настоящее время территория Прохоровского р-на Белгородской обл. Фамилия (в написании «Рашин», «Ращин») существовала в данной местности с 1-й половины XVII в.

75. ОГАЧО. Ф. И13. Оп. 1. Д. 104. Л. 28 об., Д. 107. Л. 27 об.

76. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 157. Л. 75 об. – 76, 183 об. – 185. ОГАЧО. Ф. И13. Оп. 1. Д. 121. Л. 182 об.

77. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 397. Л. 134 об. – 135.

78. Водой мыли вымя перед дойкой, но так как нагревать воду на ферме было негде, приходилось всегда использовать холодную воду. На ферме был ветряной двигатель, с помощью которого вода подавалась из колодца прямо на ферму.

79. Молоканка – приёмный пункт на молочной ферме для сепарирования молока [СРГ НСО].

80. Просвира, просфора, просвирка – в православном богослужении – маленький круглый белый пресный хлебец, употребляемый в некоторых обрядах [СРНГ, СД].

81. Ремизка, ремиза – в ткацком станке: две деревянные планки, соединённые нитченками [ТСУ].

82. Челнок – деталь ткацкого станка в виде челна с намотанной на нее пряжей для прокладывания уточной нити [НСРЯ].

83. Бёрда, бёрдо (мн. соотв. бёрды или бёрда) – часть ткацкого станка в виде гребёнки, служащая для прибавания утка (уток – продольные нити ткани), направления челнока и определения расстояния нитей основы [СРГ НСО].

84. Иван с Александрой затащили ее на полати, зазевались, а она сползла на край и упала головой вниз. Сильно ударилась, на голове вскочила шишка, а на затылке образовалась опухоль, вскоре после этого она умерла.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13		14		
												Городность	Родина, деревня, приход, должность	1	2	
1	Лаврентий Евсюков	м.	старший	68	л.	Женщина: Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна
2	Евсюковская Анна Ивановна	м.	старшая	26	л.	Женщина: Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна
3	Евсюковская Анна Ивановна	м.	старшая	22	л.	Женщина: Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна
4	Евсюковская Анна Ивановна	м.	старшая	7	л.	Женщина: Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна
5	Евсюковская Анна Ивановна	м.	старшая	11	л.	Женщина: Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна
6	Евсюковская Анна Ивановна	м.	старшая	12	л.	Женщина: Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна
7	Евсюковская Анна Ивановна	м.	старшая	1	л.	Женщина: Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна	Евсюковская Анна Ивановна
8	Тюльское общество государственной собственности															
9	Тюльское общество государственной собственности															
10	Тюльское общество государственной собственности															

Листы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года с описанием двора Лаврентия Карповича Евсюкова [ГАТО в г. Тюльское. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3044. Л. 118]

